

Начало одесского театра Новые документы и материалы

Навстречу 200-летию Городского театра

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", уже 12 лет плодотворно работает на отечественном рынке недвижимости. Предлагаем вниманию читателей новые материалы и документы о первых театральных зданиях нашего города, а равно и самых первых представлениях в их стенах.

О существовании в юной Одессе временного театра, функционировавшего в период сооружения Городского театра (1804-1809 гг.), сообщают многие авторитетные лица — А.А. Скальковский, К.Н. Смольянинов, А.М. де Рибас и другие. Однако до настоящего времени не вполне понятно, в каком именно помещении этот театр базировался. Равно ничего не известно относительно обстоятельств его устройства. Мы мало что знаем о выступавших в нем театральных труппах, антрепренерах, репертуаре, порядке финансирования и т. д.

Знаток фонда Одесского строительного комитета (в Государственном архиве Одесской области) видный краевед В.А. Чарнецкий констатировал: "...атрибутировать место временного театра в Одессе пока не удастся". На каком основании Владимир Адамович пришел к такому заключению? А дело в том, что упомянутые выше информаторы приводят на сей счет противоречивые сведения. Скальковский и де Рибас, а вслед за ними и обширное муниципальное издание к 100-летию города утверждают, что город арендовал для временных театральных представлений хлебный магазин графини Ржевусской на углу Ришельевской и Греческой улиц. Смольянинов же свидетельствует о том, что представления давались "в одной из старых казарм".

Версия, связанная с амбаром Констанции Ржевусской, тотчас же представляется уязвимой, и вот почему. Я собственноручно листал архивное дело "О застроенных местах графинею Ржевутскою (так в оригинале. —

О. Г.), состоящих на военном форштате в III квартале под № 115 и 116-м". Из этого документа однозначно явствует: места достались ее покойному супругу по купчей от графа Петра Салтыкова лишь в 1814 году, то есть значительно позднее времени устройства временного театра. С другой стороны, на территории современного Приморского бульвара, Екатерининской площади, Воронцовского переулка до 1821 года действительно стояли воинские казармы, часть из которых пустовала и вполне могла быть использована по другому назначению.

Лично мне представляется, что обе версии, как это ни парадоксально, вполне могут быть увязаны в одну, если подкрепить такое соображение некоторыми убедительными выкладками.

Говоря о локализации временного театра, мемуаристы упоминают привычное место, за которым на протяжении многих лет закрепилось имя долговременных, а не эпизодических владельцев. Так, А.А. Скальковский, явившийся в Одессу в конце 1820-х, не мог знать Петра Салтыкова, который, как это видно из тех же архивных документов, так ничего и не построил на отведенных ему участках. Нечего и говорить о А.М. де Рибасе, публиковавшемся значительно позднее, записывавшем со слов отца, который тоже не был современником событий середины 1800-х. К слову, оба мемуариста нередко грешат мелкими анахронизмами.

Рациональное зерно состоит в другом. Первым владельцем и застройщиком мест на углу Ришельевской и Греческой был купец Иван (Жан) Дофине, в доме которого (sic!) еще в 1790-е годы проходили собрания городского магистрата. Дофине был первым винным откупщиком, и когда ушел из жизни на исходе XVIII столетия, оставался должен городу изрядную сумму. По этому поводу мне удалось отыскать любопытнейшие документы, достойные отдельного сюжета, но суть не в том. Важно то, что на имущество покойного, включая недвижимость, был наложен секвестр. В частности, дома (где размещалась откупная контора) и винные подвалы Дофине, находившиеся на пересечении Херсонской и Преображенской улиц, оставались в ведении города и сдавались в аренду новым откупщикам. Интересующие же нас участки, очевидно, продали графу Петру Салтыкову. Когда это произошло? Не ранее 1810-1811 годов. Почему? Да потому, что если бы их продали ранее, он был бы обязан их застроить в двухлетний срок, а иначе участки бы отобрали, согласно существовавшим правилам. Я делаю даже некоторую прибавку срока застройки, поскольку эпидемия чумы сорвала строительство многих сооружений, и Строительный комитет проявлял снисхождение, немного продлевая время, выделенное на застройку.

При таком раскладе все становится на свои места. Коль скоро магазин покойного Дофине в середине 1800-х принадлежал казне, следовательно, вполне мог именоваться казармой. Кроме того, есть логика и в том, что стесненный в средствах город использовал собственные производственные ресурсы, экономя немалые деньги, каковые пришлось бы платить за аренду обширного помещения.

Все эти рассуждения представлялись бы исключительно умозрительными, если бы мы не подкреплялись целым корпусом интереснейших архивных документов (прежде они никогда не публиковались и, насколько понимаю, не изучались), связанных с обустройством временного театра. Поразительна масштабность фронта работ и соответственно затрат. Из этих документов отчетливо видно: речь идет о переоборудовании здания, значительно превышающего по габаритам стандартную солдатскую казарму. И таким сооружением в нарождающейся Одессе мог быть лишь значительный хлебный магазин.

С самого начала января 1805 года одесский Строительный комитет, курируемый герцогом Ришелье, в лице военного коменданта города Кобле, военного инженера Ферстера, карантинного инспектора Россет, казначея Чехненко, городского головы Мигунова, купца Москули более чем щедро финансировал устройство временного театра. Так, уже 12 января утверждается счет за покупку 28 аршин красного сукна для обивки лож "у еврейна Давида Лейбовича". 26 января из лавки купца Виноградова "для устройства в Одессе временного театра" взято петель, крючков, гвоздей на сумму 111 рублей 30 копеек. Затем приплюсовано еще 17 рублей 66 копеек. Столь значительная сумма сама по себе свидетельствует о масштабности работ. Комитет определил погашать затраты из так называемой портовой суммы в ожидании средств, каковые впоследствии станут поступать от зрительских сборов.

В том же январе 1805 года зафиксированы: покупка материалов для обивки у купца Андросова, снова приобретение гвоздей у Виноградова, всего на сумму 124 рубля 25 копеек, выплата подрядчику Василию Иванову за обивку лож, кресел и др. 119 рублей 39 копеек. В это время в обустройстве временного театра принимает участие 183 мастеровых, которые получают ежедневно по 92 копейки оговоренного платежа. Каков масштаб!

В феврале следуют новые расходы на разнообразные строительные материалы, в том числе за купленные у будущего городского головы Семена Андросова 35,5 аршин темно-зеленого сукна, 2000 медных дутых гвоздей. Во временном театре работает 40 плотников, устраиваются кули-

сы. 6 марта у Андросова приобретают 319 аршин холста для обивки потолка. Далее — шитье холста, обивка, штукатурные работы, выдача леса из карантинных материалов на устройство ширм и подмостков, покупка еще 130,5 аршин холста для изготовления декорацией и т. п.

27 апреля Строительный комитет определяет оплатить живописцу Иосифу Цисковскому 75 рублей за роспись внутренних помещений временного театра. Есть упоминание о том, что для удобства росписи художнику соорудили в мае высокое деревянное рештование. По всему видно, что в мае, то есть к летнему сезону, временный театр полностью оборудован и готов вступить в строй. Содержателем его стал представитель польского "одеколона" Ян Каминский, получивший от города соответствующие ссуды и ориентировавшийся, понятно, на польские труппы.

Временный театр пущен, а между тем подрядчик майор Виктор Поджио, отец известного декабриста, усердно занимается постройкой Городского театра и параллельно — Городового госпиталя. Уже 15 июня 1805 года члены комитета освидетельствовали фундамент и определили отпустить исполнителю 2.235 рублей 70 копеек. В 1806 году сооружение театра продолжается, причем он значится в числе первостатейных объектов: дефицитные строительные материалы отпускаются ему наравне с Николаевской церковью, Городовым госпиталем, гимназией и оборонительными казармами. В декабре директор театра коммерции советник Жан Рено получил от комитета 1.000 рублей на текущие расходы, и тогда же при строящемся театре был назначен сторож, крестьянин Поляков, с жалованием 10 рублей в месяц.

До 1808-1809 годов сооружение театра немного буксовало: Одесса, по существу, была прифронтовым городом (военные действия велись в Бессарабии и далее в придунайских княжествах), что корректировало приоритеты. Так или иначе, а к началу 1809 года Городской театр был построен, и началась его внутренняя отделка. 8 февраля "проживающий в Одессе дворянин Иосиф Крупский" по случаю вызова желающих взял на себя "отделку внутренности театра и сделание декораций", запросив 2.000 рублей. И поскольку другие желающие не объявились, контракт был заключен именно с ним, а 11 февраля он получил 100 рублей задатку.

22 февраля 1809 года Строительный комитет специально обсуждал проблему финансирования новостроящегося театра. Разумеется, предполагалось получать доходы от абонирования лож, кресел, продажи билетов, однако все это относилось к перспективе. А пока расходы в первый год эксплуатации планировались в 30.000 рублей, во второй — 25.000.

Поэтому решили, во-первых, все необходимые материалы отпускать только через комитет, причем назначалось ответственное лицо, которое обязывалось регулярно давать отчет об их расходе. Во-вторых, завести отдельную приходно-расходную книгу театральных сумм, и когда потекут доходы от спектаклей, все эти средства должны поступать в комитет и фиксироваться казначеем в одной книге.

В архивных делах сохранилась занимательная информация о подробностях внутренней отделки театра в феврале-июне 1809 года, то есть накануне его открытия. Крупский продолжал свою работу, в том числе окраску внутренних помещений, а 25 февраля к изготовлению декораций приступил также "иностранец Ардисон" (вариант — "Ардшон"), получивший 1.000 рублей. 26 апреля заключили контракт с уманским мещанином Иваном Должинским на изготовление 20 резных капителей, по 10 рублей за единицу.

18 марта у небезызвестного одесского купца Лоровича приобрели "холста мешочного 1-го разбора для подбивки в новом театре потолков" на 77 рублей 10 копеек. 20 мая сотрудник комитета Кривчиков купил еще "малороссийский холст в новый каменный театр для занавесов и декораций 1011 аршин", а "на подбивку в ложах потолков" 500 аршин мешочного холста, да семь футов суровых ниток, всего на сумму 296 рублей 91,5 копеек. 10 июня у местного купца Бодянского приобрели еще 1184 аршина малороссийского полотна и 150 аршин мешочного холста, а у купца Печенева — обойные гвозди.

Все эти отделочные работы контролировал архитектор Франческо Фраполли, который в июне заключил с подрядчиком контракт на окраску крыши театра масляной краской в два слоя. Есть упоминание о том, что он, в частности, отчитывался за обивку потолков в ложах дорогостоящим "рубашечным холстом".

Еще весной территория вокруг театра выравнивалась отсыпками земли, устраивались сточные каналы. Последовали претензии подрядчика Поджо за многочисленные виды работ, выполненные сверх заключенного им с комитетом контракта. Освидетельствование подтвердило его правоту, и в результате ему дополнительно выплатили 10.000 рублей.

О спектаклях в июле-августе 1809 года я не нашел никакой информации в архивных делах. Зато сезон 1810-го представлен довольно отчетливо. 11 августа давали комедию "Любовник на четырех ногах" и балет "Суд Парисов", сбор составил 222 рубля 07 копеек. Причем есть точная роспись полученным банкнотам и мелочи: рублевиков — 125, трешек — 57 и т. д.,

вплоть до точного числа полтинников и меди. 14 августа представляли комедию "Праздник благодетельной богини" и балет "Венера и Адонис", сбор составил 238 рублей 75 копеек. 15 августа: комедия "Бобыль", сбор 200 рублей 80 копеек, в том числе в пересчете с левов, рупий, киликов (расплачиваться можно было любой валютой, по курсу, без проблем).

Далее в августе-сентябре 1810 года даны комедии: "Исповедь супружеская", "Русский солдат", "Траур, или Утешенная вдова", балеты: "Со счастьем по воду ходить", "Диана на охоте", "Обманутый опекун" и другие спектакли. Сборы колеблются от 144 до 236 рублей с копейками. 16 августа зафиксировано абонирование кресла № 7 знаменитым графом Разумовским, который тут же внес 25 рублей в счет годового платежа (всего перед рампой стояло 44 кресла, остальные места в партере были стоячими).

Об устройстве "грибун" в старом театре уже довольно написано в историко-краеведческой литературе, а потому считаю излишним повторять общеизвестное. Перехожу к более важным, малоизвестным или вовсе неизвестным обстоятельствам, в частности, деталям появления на "одесском театре" труппы князя Шаховского.

1 октября 1810 года директор театра Рено докладывал комитету о том, что по повелению герцога Ришелье списался с этим лицом по поводу "определения актеров труппы князя на здешний театр". Тот решительно согласен, и прислал на утверждение кондиции, с некоторыми изменениями против присланных из Одессы. Рено просит отправить Шаховскому положенные по тем условиям 3.000 рублей, уплатив почтовой конторе установленный процент — 30 рублей. Как видно из записи в журнале заседаний Строительного комитета от 15 декабря, эти деньги были отправлены указанному адресату в тот же день (то есть 1 октября), и таким образом кондиции вступили в законную силу.

А между тем в театре продолжала выступать труппа, которую обычно именуют труппой Фортунатова. Надо уточнить: актер Фортунатов был антрепренером лишь драматической труппы. В комитетском журнале от 17 ноября 1810 года есть сообщение о том, что за представления, данные 13 ноября — комедию Коцэбу "Несчастные" и балет "Диана на охоте", — собрано 92 рубля 25 копеек, включая выданные "актеру Фортунатову" билеты на 12 рублей. Эту сумму полагалось вычесть из его жалованья.

Что касается балета, то его содержанием состоял "шляхтич Фиалковский", который, впрочем, выступал, как выяснится ниже, в роли посредника. 3 ноября 1810 года директор театра Рено заключил с ним контракт, причем танцоры перешли к Фиалковскому от прежнего антрепренера,

"умершего полковника Ширая". Из всего этого следует, что именно Ширай руководил труппой еще во временном театре, или, по крайней мере, в 1809 году.

Совершенно непредвиденная находка ожидала меня в архивном деле "О сумме 50 тыс. рублей, высочайше пожалованных заимообразно на построение дома гимназии". Суть в том, что это здание (по Дерibasовской, где впоследствии помещался Ришельевский лицей, а далее весь комплекс строений перешел к Вильяму Вагнеру) пострадало от пожара, и в 1806 году монарх соизволил выдать соответствующую ссуду на восстановление. Но при чем здесь театр? А при том, что один из листов этого архивного дела, который ввиду дефицита бумаги использовался вторично, на обороте содержит *"Регистр, какие разыгрывались на одесском театре пьесы.*

Комедии.

1-я. Утешенная вдова.

2-я. Братом проданная сестра.

3-я Алхимист.

4-я. Любовница на четырех ногах.

5-я. Праздник Б..."

Пятое название нам уже известно — "Праздник благодетельной богини". Таким образом, мы получаем представление о части репертуара спектаклей, которые давались еще во временном театре.

Но вернемся к балету. 15 декабря 1810 года контракт "о содержании танцорок" с одесской театральной дирекцией заключил упоминавшийся дворянин Иосиф Крупский. Труппа состояла из восьми танцовщиц, но оговаривалось, что если численность увеличится, то содержание вырастет. На их содержание (стол, чай, кофе, шитое белье, отопление, освещение, за прислугу из двух особ) полагалось 1308 рублей, да жалованье самому Крупскому — 200 рублей. Наем квартиры в эти расходы не включался, и оплачивался Строительным комитетом по отдельной статье (либо актеры обитали в казенных помещениях).

Кондиции эти скрупулезно учитывали даже ежедневное меню танцорок. Обед должен был состоять из четырех блюд: супа, двух соусов, одного жаркого и к нему салата, причем, конечно, предполагалось разнообразие в назначенных "жанрах" кушаний. На ужин определялось три блюда. Говорилось о чистоте приготовления, об опрятности столового белья, которое при простоте непременно должно быть вышитым. Оговаривалось также, что не должно быть недостатка в чистом белье, и что одна из прислуг обязана помогать танцовщицам одеваться.

Музыкальной частью театра и гардеробом заведовали другие лица. Скажем, оркестр возглавлял некто Герасим Гусаренко, получавший на то по 2500 рублей в год. Заведующим гардеробом (по сути — главным театральным администратором) служил Марк Акурша (видимо, это измененная отечественными анналами итальянская фамилия Аккурци), которому, между прочим, и был сдан в ведение только что построенный Городской театр. Ему полагалось жалованье из расчета 500 рублей в год. Численность сторожей в начале 1810-х годов довели до трех (известны даже их имена-фамилии), назначив жалованье по три рубля в месяц каждому. Машинной частью заведовал тот же Крупский, за что получал отдельную плату.

На мой взгляд, весьма любопытны документы, тщательно фиксирующие обновление театрального гардероба, костюмов, специальной обуви и прочего реквизита. Так, 26 октября 1810 года директор театра коммерции советник Рено доносит комитету, что "по надобности умножить в театре гардероб, куплено им шмотье на 370 рублей". Тут же представлен счет, в котором значатся: кафтаны, камзолы, штаны из ткани "стамбир", "шали с серебряным позументом и таковыми ж пуговицами — 75 руб. Кафтан, штаны и два камзола с серебряною по бортам вышивкою, равно и кафтан 75 руб. Кафтан, камзол и двое штанов гранатовые красные с серебряною вышивкою, кафтан на пуговицах, камзолы на карманах и по бортам, а штаны на лифе 75 руб. Кафтан, камзол и штаны бархату рытого, цвету зелено-синеватого 75 руб. Женское платье леновое с златою вышивкою 50 руб. Перьев павлиных 21 на 20 рублей". Определили: вещи принять смотрителю гардероба Марку Акурше, задолженность Рено погасить из портовой суммы.

В записях от 16 ноября 1810 года находим фамилии всех "танцорок" балета, да еще одного драматического актера — Моргунова (!), каковому Рено велел выдать 50 рублей "из суммы театральной". Здесь же — о необходимости выдачи по 25 рублей танцовщицам Соколовой, Красовской, Ламанской, Козловой, Жидранской, Залеской, Концесилевой, Шпилевской. Очевидно, большинство из них польского происхождения. 17 ноября Акурша рапортует о расходах на покупку восьми пар "балетных башмаков" по 1 рубль 50 копеек, пяти пар — по 2.50 и трех — по 3.00.

В ноябре-декабре 1810 года помимо перечисленных спектаклей в театре давали: оперу "Мельник" (не вполне понятно, как ее ставили; возможно, вокалистами выступали драматические актеры), комедии "Влюбленный сиенец", "Опасно подслушивать у дверей", "Фома-дворник", "Как

угодно", балеты "Притворный музыкант", "Кора и Алонсо", "Любовь за интерес". Сборы — явно ниже летних: от 92-х до 170 рублей.

К осенне-зимнему сезону было основательно улучшено внутреннее освещение Городского театра. Лучший в юной Одессе медник, "евреин Иось Шаевич" (о нем я подробно расскажу в отдельной публикации), изготовил для установки в зрительном зале и на рампе 110 больших подсвечников, 28 плашек, 49 малых подсвечников, 8 больших и 47 малых фонарей, всего на сумму 390 рублей 05 копеек. 29 декабря одному из сотрудников комитета отпускают 30 рублей 60 копеек за приобретенные им для театра два пуда свечей.

В таком примерно режиме Городской театр функционировал до заключения контракта об устройстве итальянской оперы с антрепренерами Замбони и Монтовани в 1811 году, однако это уже отдельный сюжет. Здесь позволю себе прибавить лишь то, что в начале 1810-х годов по ходу становления театра надлежащим образом обустроивалась и прилегающая территория. Так, под надзором адъютанта герцога Ришелье графа Роше-шуара осуществлялось мощение тротуара по периметру театрального здания, выстилались переходы через нынешние улицы Ришельевскую и Ланжероновскую, здесь же устанавливались с той же целью деревянные мостки с перилами, а далее высаживались и пирамидальные тополя.

